

— Василий Павлович, где в последнее время вы чаще бываете: в Москве, в Вашингтоне или путешествуете по миру?

— Вообще-то я все-таки больше сижу и пишу в пригороде Вашингтона. Во-первых, там моя постоянная работа в университете, где я веду собственный курс в течение осеннего и весеннего семестров. А разъезжаю исключительно во время каникулярного периода. Слава Богу, это время немалое — пять с половиной месяцев в году: месяц зимой, есть перерывы в учебе осенью и весной и три с половиной месяца — летом.

— И что вы преподаете?

— Один курс культурологической направленности, связанный с общим течением модернизма в России начала века и с дальнейшим переходом на авангард. И, как я успел заметить, ко мне записывается много студентов, впрямую не имеющих отношения ни к России, ни к русской литературе. Вообще приходят люди самых разных профессий: и компьютерщики-электронщики, и биологи, и экономисты. А второй курс, "Два столетия русского романа", — именной, авторский. И он несколько в стороне от обычной русской программы. Это мой курс.

— А в Москве вас не привлекают к преподавательской деятельности?

— Нет. Да я и не буду здесь преподавать. Я бы вообще никогда не стал преподавать, если бы не оказался в США. Ведь, как выяснилось, для меня это лучший способ зарабатывать там себе на жизнь.

Изгнание из Советского Союза на самом деле было тяжелейшим, критическим моментом в моей жизни. С одной стороны, я бросал вызов существовавшей системе, которая меня выдвигала. С другой — я был в отчаянии, не давая себе в этом отчета или не желая этому подчиняться. Но стресс был невероятный. Удалось же его преодолеть опять-таки благодаря Америке, которая буквально заставляла меня вкалывать, чтобы выжить. Мы с Майей, моей женой, старались не впадать в бедность: я много работал. Тем не менее первые годы я час-стенно просыпался по ночам в холодном поту от ужаса, что в следующем месяце не смогу оплатить счета... Но как-то все-таки выкарабкивался.

А Майя вообще долгое время не могла к изгнанию привыкнуть. Я постоянно убеждал ее, что надо относиться к нашей жизни там как к затянувшемуся туризму. И таким образом стараться замечать вокруг что-то интересное...

Потом, кстати, при помощи той же университетской работы удалось достичь более или менее стабильного уровня. И это, между прочим, давало мне возможность отказаться от компромисса в литературе. И на самом деле я не желаю, что все так случилось...

— Вы хотите сказать, что преподавание дает еще что-то и для души?

— Как оказалось, да... Хотя сейчас, честно говоря, после более чем 20 лет в университете преподавательская деятельность мне несколько надоела. И я постепенно буду от нее уходить. Кроме того, мы уже решили перебраться в Европу.

— И где вы намерены бросить якорь?

— Я присмотрел себе местечко — небольшой городок Биарриц на побережье Бискайского залива, во Франции, на границе с Испанией. И уже купил там маленький домик. А оказался там совершенно случайно. Был в Тулузе на фестивале русского искусства "Волга — Гарон". И когда у меня выпало несколько свободных дней, решил осмотреть места, в которых никогда не бывал. Взял напрокат машину и проехал вдоль Пиренейских гор, любясь замечательными видами. Так добрался до этого курортного городка. Мне в нем страшно понравилось. Оказалось, что Биарриц связан не только с Наполеоном, но в XIX веке был любимым местом отдыха русской аристократии и творческой интеллигенции. Там жил Стравинский, Набоков провел там годы своего детства, Чехов бывал и еще многие известные люди... Тогда же в голове мелькнула мысль, что этот городок был бы лучшим местечком для смены места жительства...

И год назад, когда я был в Париже на Новый год, 1 января просто сел в поезд и поехал в Биарриц. И присмотрел себе там маленький домик, в котором всего две спальни и маленькая квартирка в подвальном помещении...

— Можно предположить, что ваше будущее литературное произведение будет связано с этими временами и персонами?

— Нет, будущее произведение будет связано с XVIII веком: как раз сейчас я поглощен изучением наследия Вольтера, его идей и эпохи просвещения вообще. Это одна из серьезнейших фаз европейского Ренессанса, рас-

ния на счет построманной депрессии. Такое обычно бывает с авторами романов, когда они полностью и основательно выкладываются в работе над произведением. И этот упадок чувств — явление характерное. Но прошло некоторое время, и я уже рефлекторно начал работать над следующим романом, о котором уже вам рассказывал.

— Вы являетесь одним из членов жюри национальной премии "Триумф". Что вы думаете об этой премии?

— На мой взгляд, организация "Триумфа" — идея грандиозная. Она появилась в 1992 году, в очень нужное время, когда был общий колоссальный упадок в стране. И мне ка-

"Московской саги" уже идут полным ходом. И если с успехом пройдет первая часть фильма, то, как говорится, сам Бог велел взяться за продолжение этого романа. И я прямо с ходу начинаю его писать!

— В работе над этим многосерийным телефильмом вы принимаете участие?

— Конечно, когда приезжаю в Москву. Я смотрел вместе с режиссером Дмитрием Барщевским фото- и кинопробы, мы обсуждали кандидатуры актеров, декорации... Мой сын Алексей работает над этим проектом в качестве арт-директора. Но вы же понимаете, какая это грандиозная работа — создание полноценного многосерийного художественного фильма. Одно лишь удержание актерской команды в течение года — невероятно сложный вопрос. А в картине 280 (!) ролей. Но мне кажется, что работа эта должна понравиться зрителю. Люди ведь любят такие истории с продолжениями, где много закрученных любовных интриг и драматических поворотов судьбы. Тем более что история нашей страны поставляет их нам с излишком.

— А как вам современные молодые лица, которых вы встречаете в Москве и в России?

— Вы знаете, весной я был в Питере и общался в основном именно с молодыми людьми. У меня была там пресс-конференция, на которой собралось не менее 50 журналистов, — и это были все молодые люди. И главное, что я отметил для себя, — у них были умные, какие-то просветленные лица. А мне вспоминались утверждения, что в России произошла

смена молодого образа на уровне генетики, что перед нами сплошная "братва": коротко стриженная, с маленькими лобиками и торчащими ушами, сплошные разговоры "на пальцах"... И они, наверное, есть. Даже, может быть, в немыслимом количестве. Но я видел своими глазами, что все-таки сохранился тип молодого интеллигента. И я в этом абсолютно убежден. Он существует и развивается...

— То есть корни все-таки не вырублены окончательно?

— Оказывается, нет, и подрастает новая поросль. Это очень радует, потому что у этих людей в наше время — колоссальные возможности для роста. Они могут сразу внедряться в европейскую и мировую культуру. Они все могут знать, и у них есть доступ ко всему. В том числе — и благодаря Интернету.

— Вопрос, быть может, прозвучит несколько неожиданно, но, мне кажется, он вытекает из ранее сказанного: как вы относитесь к клонированию?

— Кстати, роман "Кесарево свечение" завершается этой проблемой.

Молодой герой начинает повествование в возрасте 27 лет. А заканчивается роман пьесой, в которой ему 100 лет. Его же любимой, которую он ждал многие годы, — 93. И они наконец вместе. Но, понимая, что они уже медленно умирают, начинают предпринимать усилия, чтобы подольше сохраниться, используя для этого и пересадки органов, и прочие медицинские фокусы. А поскольку оба — безумно богатые люди, в конечном итоге заказывают своих клонов — себя же в молодости...

— Ну а если отнестись к этому вопросу серьезно, кого бы стоило клонировать?

— Я вспоминаю у Маяковского, в какой-то его поэме он обращается к ученому будущего: если будешь перелистывать страницы и искать, кого оживить, не листай страницы — оживи!.. Тогда нам подобные слова казались чистой воды фантазией. Но сегодня оказывается, что эта фантазия вдруг может стать реальностью. И я думаю, стоило бы оживить того же Маяковского, чтобы он пустил наконец в ход свой гений, а не стал бы писать всякую дрянь. Да и вообще многим ушедшим в мир иной людям можно было бы дать такой шанс!

Беседу вел Татьяна АЛЕКСЕЕВА

Василий АКСЕНОВ:

Я - ФЕМИНИСТ

ПО УБЕЖДЕНИЮ

Романы и повести Василия Аксенова, недавно отметившего 70-летний юбилей, принадлежат к классике отечественной литературы. В 60-х годах "Коллеги" и "Звездный билет", "Затоваренная бочкотара" и "В поисках жанра" стали прорывом к живому слову, пьянящим глотком свободы. Теперь уже в далеком 1980-м, после скандального осуждения литературного альманаха "Метрополь", в котором принимал участие Аксенов, он был лишен советского гражданства и вынужден эмигрировать в США. С тех пор писатель живет и работает в Вашингтоне. Уже в Штатах им были написаны повести и романы "Ожог", "Остров Крым", "В поисках грустного бэби", "Желток яйца", "Московская сага", "Новый сладостный стиль", "Кесарево свечение". Произведения Аксенова изданы в США, Франции, Великобритании, Бельгии и других странах. Он перевел на русский язык романы Э. Доктора "Рэгтайм" и Дж. Апдайка "Переворот"... В 1990-м Василию Павловичу Аксенову российское гражданство было возвращено. В один из его приездов в Россию, который был связан, кстати, с экранизацией его "Московской саги", и состоялась наша беседа.

жест, что возникновение ее в то время как раз и было первым шагом из ямы. А помощь, которую оказывает эта премия, скажем, писателям, просто неоценима. Она дает им возможность успокоиться, засесть за рабочим столом и творить, а не рыскать в поисках случайного заработка. Или музыку сочинять, или писать картины...

— Во все времена учредителями благотворительных премий были очень состоятельные, богатые люди. Однако куда деваться от аксиомы, что ни один капитал, особенно на-

чальный, не делается честным путем...

— Эта аксиома безусловно верна в тот период, когда разваливается страна. В нашем случае развалилась империя социализма, и на ее руинах образовывается капитализм. Правда, такого в истории человечества еще не было. Ну а когда вокруг развалины, трудно требовать соблюдения законов, потому что их попросту нет. Да их, собственно, и не было. Когда в России началась приватизация — это был край беззакония. И на этом фоне очень многие разворотливые люди сделали себе капиталы. Впрочем, здесь нельзя списывать со счетов и степень везения, и склад ума, и четкость в выработке стратегии...

— Не кажется ли вам, что этот поворот событий мог бы быть очень интересно представлен в новейшей истории вашей "Московской саги"? Кстати, вы ведь даже обещали дописать ее для киноверсии вашего романа?

— Безусловно. И в моей голове бродит желание дописать эту новейшую историю. Ведь существование династии Градовых в конце романа не закончилось. И это дает мне возможность продлить сагу до наших дней. Борис IV становится продолжателем врачебной династии и лидером демократического движения... Некоторые члены этого семейного клана и связанные с ним люди оказываются за границей: и исчезнувший во время войны Савва Китайгородский, который после немецкого плена оказывается во Франции, и Вероника, мать Бориса, вышедшая замуж за американца, уехала в США вместе с его младшей сестрой... К тому же сейчас съемки

пространение либеральных идей в России и феминистский век в нашем Отечестве. Кстати, я и сам феминист по убеждению и ратую за женскую власть. Думаю, что это именно то, чего сейчас не хватает России. Ведь женщины — все российские императрицы — как раз и способствовали внедрению и появлению первых либеральных идей в России. Семьдесят пять лет из 100 прошли под властью женщин. И очень даже неплохо прошли!

— Чем все-таки сегодня вы занимаетесь больше: преподаванием, публицистикой или литературным творчеством?

— Публицистика — популярное занятие, если возникает какая-то проблема, по поводу которой есть потребность высказаться. А вообще, конечно, я — литератор, прозаик, драматург, поэт — кто угодно. Одним словом — сочинитель. Вот недавно вышел роман "Кесарево свечение", который уже продается в России. Для меня это очень важная книга. Там я провел эксперимент формирования романной массы из других литературных жанров. Кроме прозы внутри присутствуют три пьесы, два рассказа, цикл стихов, эссе о Пикассо. И все это соединено вместе и создает главы романа. Сомного большого по объему из всего написанного мною. Больше того, я думаю, что этот роман станет для меня итогом. И даже хотел им подвести черту под своим творчеством...

— Вот как! И почему же?

— Да как-то так казалось мне, что и старым уже стал, и много всего "навалая" за годы творчества... И вдруг появилось внутреннее ощущение, что вообще слишком "намолил глаза"... Но, поездив по России, понял, что рановато пока подводить черту. И свел эти свои ощущение

люблю
Канужскую
заставу
Вас Аксенов